

О ЛИКВИДНОСТИ

Часть первая. Обещание

Долина лежит на единственной дороге через горы. Всё, что идёт с одной стороны хребта на другую, проходит здесь — и с первого снега до талой воды не проходит ничего: путь закрыт до весны.

При въезде на перевал стоит городок. Застава, где берут пошлину с проезжих, и совет, который этой пошлиной распоряжается. Кузня, постоянный двор, мельница на реке; вокруг по долине сёла, в горах копи. Есть и лавка ювелира — то в горах отыщут занятный камень, то проезжему надо заложить дорогую вещь, чтобы не ехать дальше без денег.

Серебра здесь мало. Оно приходит с караванами и с ними же уходит — на железо, соль, сукно, вино, на всё, чего в долине не делают. Долина не сундук, а коридор.

Поэтому здесь редко кто платит сразу. Здесь все должны друг другу.

И всякий рано или поздно упирается в один и тот же вопрос: есть ли чем заплатить сегодня.

У этого вопроса скучное название — ликвидность. Слово канцелярское, а смысл простой: не сколько у тебя всего и не сколько тебе должны, а чем ты можешь расплатиться прямо сейчас.

Глава 1. Кто согласен подождать

Анна печёт хлеб.

Хлеб берут каждый день. Платят мелочью — семь копеек за буханку, — а случается, что и яйцами, и пучком лука, и обещанием занести завтра. Деньги идут тонким ровным ручейком, и ручеек этот весь уходит на жизнь, не задерживаясь в доме дольше суток.

Мука покупается мешком. Мешок стоит восемь монет, или восемьсот копеек, и нужен он целиком: полмешка мельник не отсыпает.

К апрелю мука кончилась. Перевал ещё не открылся, караванов не было с первого снега, и долина пятый месяц жила сама собой: брали мало, платили медленно. Анна не обеднела — печь стоит, дрова под навесом, покупатели придут завтра, как приходили вчера. Но мешок нужен сегодня, а восьми монет сегодня нет.

Она пошла к мельнику.

Яков выслушал её, глядя в потолок, где на балке лежала белая мучная пыль в палец толщиной.

— Мешок дам. Восемь монет, отдашь через месяц.

Бумаги на мельнице не нашлось. Анна написала углём на пустом мешке — рука у неё была быстрая и ровная, она с детства вела счёт своим копейкам и чужие считала не хуже: «Анна, пекарня, должна Якову восемь монет. Отдаст через месяц».

Яков свернул мешковину и повесил на гвоздь у входа.

Для Якова эта тряпка была имуществом, и повесил он её на видное место, как вешают что-то ценное и хорошее. Для Анны та же тряпка была дополнительной работой, которую предстояло сделать. Одному прибавила, другой убавила — ровно на столько же.

Через две недели Якову понадобились гвозди. Монет у мельника не водилось — мельник богат мукой, — зато была тряпка на гвозде.

Влад, кузнец, прочитал расписку и подумал. Анна топит печь каждое утро, дым виден с дороги, хлеб у неё берёт почти весь городок. Живёт она здесь всю жизнь, и вся эта жизнь на виду; вздумай она не заплатить — деваться ей будет некуда.

— Возьму.

Расписка перестала быть долгом и стала деньгами: ею расплатились с человеком, который к истории с мукой отношения не имел никакого.

А потом, через какое-то время, и Владу понадобилась железная проволока.

Проволока была у Марты. Марта держит постоянный двор при въезде на перевал и заодно откупает у постояльцев часть товара — то, что местным нужнее, чем возчику за перевалом.

Влад выложил на стол мешковину с Анниной надписью.

— Возьми эту расписку.

Марта развернула тряпку, прочла и положила обратно.

— И что я с ней стану делать? Мне ею с гуртовщиком расплачиваться? Он послезавтра уйдёт за перевал, а там твоя Анна никому не известна. Там и меня-то не знают.

— Тогда подожди месяц. Я обоз подковал, они ушли на ту сторону и вернутся с расчётом, как только снег сойдёт. Тогда и отдам.

— Вернутся или нет — я не знаю. А проволоку я взяла на свои.

Оба были правы, и оба ничего не могли.

Влад унёс мешковину обратно и повесил у себя над горном, на такой же гвоздь. Проволоки у него не было ещё три недели.

Что произошло

Между работой и платой всегда стоит время, и закрыть этот разрыв может только одно — чужое согласие подождать.

Урожай собирают осенью, а есть хочется весной. Анна продаёт по семь копеек, а покупает по восемьсот. Разрыв здесь не от бедности: человек с полным амбаром и пустым карманом не беден, он просто не может заплатить сегодня.

Согласие подождать записывают — так получается расписка. Мешок муки может лежать в амбаре сам по себе, а расписка сама по себе существовать не может: по ней одна сторона что-то ждёт, а другая сторона что-то должна. Сложите все обещания мира с обеих сторон — выйдет ноль. Финансовый мир не гора денег в чьём-то подвале, а сеть взаимных обещаний, натянутая между людьми.

Обещание, которое передают дальше, начинает работать как деньги. Но у всякого обещания есть круг, за краем которого оно начинает терять в цене: Влад расписку Анны взял, Марта не взяла — и оба были правы, потому что круги у них разные.

Отсюда лестница. Расписку Анны берут в городке. Расписку Захарии, главы городского совета, — по всей долине. Монету короля — всюду, куда доходят его солдаты и сборщики податей. Не потому, что король честнее Анны, а потому, что за ним сила.

Право выпускать деньги и власть — одно и то же.

Глава 2. Две записи

У Симона единственная в долине кладовая, которая запирается на замок: он ювелир, ему положено.

Понемногу люди стали приносить туда своё серебро на хранение, а Симон выдавал бумагу с печатью: «Предъявителю сего Симон, ювелир, выдаст серебром двадцать монет».

Бумагами скоро начали расплачиваться друг с другом, и назвали их симонками. Они и правда оказались удобнее серебра: лёгкие, не звенят в кошелье, выписать можно на любую сумму.

Симон вёл счёт всему. Однажды он заметил, что за целый год из ста двенадцати вкладчиков за своим серебром пришли восемь. Он долго думал об этой цифре, но никому так и не сказал о ней.

Весной в долине узнали, что копи собираются заказать Владу сорок кайл и обушков — хороший заказ на три месяца. Но кузнец отказался: железа и угля надо было закупить сразу на сорок монет, таких денег у него не водилось, а Марта в долг товар не давала никому и никогда.

Тогда Симон позвал кузнеца к себе в лавку и предложил дать в долг сорок монет под этот заказ.

Он открыл книгу и написал две строки.

Слева, где те, кто должен ему: «Влад, сорок монет, вернуть через три месяца, и четыре монеты сверху». Справа, где те, кому должен сам ювелир: «Предъявителю, сорок монет».

Потом выписал бланк, приложил печать и протянул кузнецу.

Анна была тут же — привезла в починку бабкину цепочку — и смотрела в книгу через плечо, шевеля губами.

— Откуда вы взяли сорок монет?

— Ниоткуда. Слева записано, что должны мне. Справа — что должен я. Обеих строк утром не было. Сложи их — выйдет ноль. В кладовую я сегодня не заходил.

Анна помолчала.

— Но строки же не одинаковые.

— В чём разница?

— То, что должны вы, он унёс с собой. А то, что должен он, осталось у вас в книге.

Симон снял очки.

— Вот в этом всё дело. — Он постучал пальцем по левому столбцу. — Обещание Влада никуда не пойдёт. Ты сама знаешь, как бывает: твоё обещание могут взять, а могут и не взять. А мою бумагу возьмут везде — по крайней мере в долине. Потому что знают: я меняю её на серебро по первому требованию, а серебро берут все, даже короли.

— Значит, вы поменялись обещаниями.

- Поменялись. Он мне отдал такое, которое могут не взять. Я ему
— такое, которое возьмут все.
- И четыре монеты — за это?
- За это, за три месяца ожидания и за то, что он может и не отдать:
всякое случается.
- А когда он отдаст?
- Тогда я вычеркну обе строки. И бумажку порву.
- И где будут эти сорок монет?
- Нигде, — сказал Симон. — Их не станет.

Анна дошла до двери и обернулась.

- А если бумажку принесут вам обратно и попросят серебро?
- Тогда схожу в кладовую. — Симон надел очки. — Все сразу не
приходят.

Что произошло

Банк принято представлять складом: люди приносят деньги, он их складывает и часть выдаёт взаймы. Это неверно.

Симон в кладовую даже не заходил и ничьих вкладов не тронул. Он сделал две противоположные записи и выдал Владу сорок монет, которых утром не существовало. Так сделаны почти все деньги вокруг нас: не станком, а строчками в банковских книгах.

По существу это обмен обещаниями. Обещание Влада, которое трудно кому-нибудь предложить, — на обещание Симона, которое в долине берут все. Своего у банка нет ничего, кроме имени, и это имя он сдаёт в аренду за процент.

Когда долг вернут, обе строки вычеркнут, бумажку порвут — и сорок монет не перейдут к Симону, а перестанут существовать. Симону останутся только четыре монеты сверху: плата за аренду имени. Денег в обороте ровно столько, сколько непогашенных долгов.

И тут же — слабое место, которое видно уже сейчас. Своё обещание Симон выдал до востребования: приходи хоть завтра. Чужое получил на три месяца. Пока бумага ходит по долине, серебро спокойно лежит в кладовой. Вопрос только в том, что будет, если её принесут обратно.

Глава 3. Пока его не было

После Влада к Симону потянулись и другие жители долины. Все были должны друг другу, а Симон предлагал удобную замену этих обещаний.

В августе ювелиру надо было отъехать со своим товаром за перевал: там и покупатель богаче, и камень берут охотнее. Через три недели он собирался вернуться. В лавке остался помощник — считать умеет, книги ведёт аккуратно, а больше ничего не решает.

Всё было тихо и спокойно, пока однажды в лавку ювелира не пришла Марта.

Она принесла симонок на двести монет и попросила серебро: гуртовщик уходил за перевал послезавтра, а бумаг он не брал.

Помощник посчитал, сложил ещё раз и сказал, что такую сумму без хозяина выдать не может.

Марта постояла, забрала бумажки и вышла. На крыльце её спросили, чего она такая. Она ответила, как есть: не дают.

Кто первым сказал вслух, что ювелир не вернётся вовсе, потом не вспомнили. Говорили так: уехал с товаром и с деньгами, а у нас на руках бумажки; серебро-то в кладовой, под замком, и замок теперь стережёт мальчишка.

К утру у лавки стояла очередь. Марта стояла в ней первой.

Помощник отпер и начал выдавать: отказать такой толпе он побоялся больше, чем ошибиться. Считал он честно и медленно, каждому пересчитывал дважды — так его учили, — и с каждым выданным становилось хуже. Прохожие видели толпу, видели, как из дверей выносят серебро в подолах и шапках, и вставали в конец. К полудню в очереди стояли люди, которые ещё утром симонкам верили и верить не перестали; они просто считали головы впереди себя и понимали, что верить придётся быстрее других.

К вечеру кладовая опустела, а очередь всё ещё стояла.

Серебра в кладовой было на две тысячи, а симонок по долине ходило на три. Бумажек на тысячу монет осталось на руках неоплаченными.

Что произошло

Симон не разорился. Он не смог заплатить.

Он никого не обманул и ничего не украл. Книга у него сходилась и в тот вечер: ему были должны больше, чем должен был он. Не хватило не имущества, а времени — и это опять она, ликвидность.

Причина не в характере банкира, а в устройстве банка. Обязательства он берёт на себя такие, которые можно потребовать сегодня. Требования получает такие, которые исполняют через месяц, через три, через год. Честностью это не лечится и осторожностью тоже: Симон держал наготове серебра на две трети всех своих бумажек — резерв огромный — и не помог.

Помог бы только полный запас: сколько серебра, столько и бумажек. Но тогда это был бы не банк, а кладовая, и Влад по-прежнему стоял бы без заказа, а Анна пекла бы вполсилы. Жили бы как в первой главе.

Глава 4. Спасительный пакт

Захария, глава совета, пришёл со стражей, потому что на площади стояла толпа.

Он оглядел пустую лавку, помощника с книгами и людей с бумажками в руках и решил, что ювелир украл и сбежал. Так решил бы всякий.

В эту минуту в конце улицы показался сам Симон. Он ехал шагом, с вьюками, ничего ещё не зная, и толпа расступилась перед ним молча.

— Старшина, возьми ювелира под арест, — сказал Захария.

— В чём меня обвиняют? — спросил Симон, не сходя с седла.

— В воровстве. А может, и в фальшивомонетничестве.

На этих словах толпа закричала.

— Он ничего не брал, — сказала Анна. — Это видно по его книгам.

Захария обернулся. В руке у неё были такие же бумажки, как у всех, и ей по ним сегодня тоже ничего не досталось.

— Кто может прочесть эти книги?

— Я прочту.

Они вошли вчетвером — Захария, старшина, Анна и Симон — и заперли дверь. Стража осталась снаружи.

Анна читала долго, при свече, складывая столбики на полях.

— Ему должны тысячу двести монет. Влад, обозные, лесопилка, оба перевоза, мельница — да половина долины. Все живы, все платят, ни один не просрочил.

— А сам он сколько должен?

— Тысячу. На столько монет осталось бумажек на руках после сегодняшнего.

Захария ответил не сразу.

— Стало быть, у него сходится. И даже с лишком.

— Не сходится одно, — сказал Симон. — Мне отдадут потом, а должен я сейчас.

— Допустим. — Захария сел. — Тогда скажи мне другое. Серебра в долине тысячи на четыре, может быть чуть больше. Полторы тысячи монет у совета — скопили с пошлин за сезон. Две тысячи лежали у тебя в кладовой. Зачем нам вообще твои бумажки? Народ смущать?

— Нет. Чтобы работа шла быстрее, — вступилась Анна.

— Быстрее?

— В четверг ко мне зашёл возчик, брал хлеб на весь обоз. Расплатился симонкой на две монеты. Я в тот же день отдала её Якову в счёт мешка. Яков к вечеру отнёс Владу за обод к жёрнову. Влад в тот же вечер купил у возчика железа с воза и вернул ему эту

самую бумажку. Возчик отдал её Марте за ночлег, а Марта в тот же день принесла мне — за хлеб постояльцам. Я её узнала: у неё угол оторван.

— И что с того?

— А то, что за сутки одна бумажка на две монеты сделала дел на двенадцать. И пятеро человек занимались делом, а не ждали.

Захария молчал: ему это ничего не сказало.

— Раньше так бы не вышло, — сказала Анна. — Год назад я пекла двадцать буханок в день. Не потому, что больше не брали, а потому, что мука кончалась, а новую я брала у Якова в долг — и брала тогда, когда он соглашался подождать. Не согласился — стою.

— А теперь?

— А теперь пеку, сколько купят. За муку плачу сразу.

— И так у всех, — сказал Симон. — Кузнец ждал, пока заказчик соберёт денег. Заказчик ждал, пока рассчитаются с ним. Тот ждал третьего. Стояли по кругу, и круг сходилась раз в полгода.

Захария подошёл к окну и постоял, глядя на площадь.

— Значит, работы стало больше, — сказал он, не оборачиваясь.

— Стало.

«А больше работы — больше и подать», — подумал он.

Он сел и придвинул к себе книгу.

— Совет даст тебе серебро в долг. Расплатишься с теми, кто требует сегодня. Вернёшь, когда вернут тебе.

— А условие?

— Одно. С этого дня в твоих книгах сидит человек от совета. — Он кивнул на Анну. — Вот эта. Раз умеет читать их.

Вышли они вместе. Захария сказал с крыльца, что за симонки отвечает город, и отсчитывать начали тут же, на крыльце, у всех на виду. Задние ряды посмотрели, как идут деньги, и потянулись домой.

К концу недели почти все, кто накануне забрал своё серебро, снесли его обратно Симону. Оно им было не нужно. Нужно было убедиться, что выдадут, вот они и убедились.

Симон вернул совету долг полностью, до последней монеты. Спасение не стоило городу ни монеты.

А мешковина с угольной надписью так и висела у Влада над горном. Анна выкупила её в сентябре — восемь монет, симонками.

Что произошло

Панику остановили не деньги, а обещание. Слово города оказалось дороже серебра и сработало лучше.

Сработало оно потому, что случай был правильный. У Симона не хватало не имущества, а времени: за ним стояли живые должники, которые платят. Такому одалживают легко. Тому, у кого не сходится книга, одалживать бессмысленно: деньги уйдут, а дыра останется.

Дальше сработала та же скорость, что накануне работала против. Как только стало ясно, что дадут всем и сразу, брать перестали. В очереди стоят не за серебром, а за уверенностью; выдайте уверенность — и очередь разойдётся сама.

Но бесплатным это спасение только выглядит. Город теперь отвечает за чужие обещания, и у Симона появилось то, чего у него не было: знание, что его поддержат. Тот, кого однажды спасли, в следующий раз рискует смелее — и рискует уже отчасти чужим. Поэтому и условие: человек в книгах. Надзор — это цена спасения, а не придирка.

И вот, что означала фраза из первой главы: “право выпускать деньги и власть — одно и то же”. Тогда это была лишь присказка. Теперь город поручился за симонки — власть и деньги вновь сошлись вместе.

Заключение

Серебра в долине осталось столько же, сколько было: тысячи четыре, может быть больше.

Изменились две вещи. Обещаний стало больше — их теперь выдаёт Симон (а за обещаниями Симона стоят Захария и городской совет), и они ходят быстрее, чем раньше ходили серебряные монеты. Монета, за день прошедшая через десять рук, кормит десятерых; она же, пролежав год в сундуке, не кормит никого.

Это ликвидность. То есть не само богатство, а его подвижность.